

*Карнавал гоголевской интертекстуальности в романе С.С.Заяицкого
«Жизнеописание Степана Александровича Лососинова»*

Сергей Сергеевич Заяицкий (2.10.1893, Москва – 21.5.1930, Феодосия) – блистательный русский прозаик, драматург и переводчик 1920-х годов, входивший в артель московских писателей «Круг» и театральную секцию Государственной Академии художественных наук (ГАХН)¹. В работах по истории литературы советского времени его произведения, как правило, получали довольно скептическую, вульгарно-социологическую оценку². Помимо этого имя его всплывало иногда лишь в связи с М.А.Булгаковым, другом которого был Заяицкий³. Между тем отношение читателей к его изданным в 1920-е годы произведениям было совсем иным⁴, и отражением этого стало переиздание его произведений в самом начале Перестройки⁵. А затем началось и изучение этого явно недооцененного писателя⁶.

То, что главным литературным кумиром Заяицкого был Гоголь, бросается в глаза⁷. Например, его повесть «Баклажаны» начинается так: «Разве не говорили все и разве не утверждали, что украинские ночи сотворены для любовных восторгов? Разве Гоголь не восклицал патетически: “Знаете ли вы украинскую ночь?” и разве не отвечал он сам, видя, что язык отнялся у заробевшего читателя: “О, вы не знаете украинской ночи” <...> Да. Пленительна и сластолюбива украинская ночь. Но в сто, в тысячу, в миллион раз пленительнее и сластолюбивее знойный украинский полдень». Место действия, Баклажаны, названы здесь, «городом белых одноэтажных домиков и голубых деревянных церквей, родным братом Хороля и Кобеляк, племянником Миргорода»⁸, а сама повесть представляет собой своего рода метатекст с отчетливыми отсылками к ранним произведениям Гоголя, и в первую очередь к «Вечерам на хуторе близ Диканьки».

В случае с «Жизнеописанием Степана Александровича Лососинова» связь с Гоголем чуть менее очевидна, но отнюдь не скрывается автором. Она намечена уже «говорящими» фамилиями главных героев романа, несколько напоминающи-

ми гоголевские: Степан Александрович Лососинов и Пантюша Соврищев. Да и имя самого Гоголя появляется уже в третьей главе романа, где об одном из героев «Жизнеописания...» сказано: «Повернется левой щекой – Гегель, правой – Гоголь...»⁹ Один из первых исследователей творчества Заяицкого Ольга Обухова пишет: «Хлестаковское завиральное хвастовство Пантюши – явная аллюзия на *Ревизора*. Приезд в школу настоящего инспектора, немая сцена – представляют собой своего рода пьесу, в декорациях которой все дорогое Лососинову пародируется, осмеивается, переводится на мещански-бытовой уровень, против которого герой восстает»¹⁰.

Действительно, в главе V «Страшный инструктор» третьей части романа в школу, в которой Лососинов находит себе прибежище в качестве преподавателя истории, приезжает с «ревизией» «новый инструктор объединения», и его первое посещение заканчивается требованием ввести обучение по «новым методам», то есть не по учебникам, а «на трудовых процессах». Автор романа так изображает впечатление, произведенное этим на учителей: «Нечто вроде немой сцены из “Ревизора” произошло после его ухода в учительской. Естественник стоял в позе мученика, только что подвергнувшегося заушению. Математик растопырил руки и тупо глядел на Марию Петровну, которая, в свою очередь, замерла, уставившись на Пантюшу» (с.139).

Свое второе посещение и речь на заседании объединения «страшный инструктор», «похожий слегка на Пугачева» (с.136) начинает с извинения: «извиняюсь, что опоздал, задержал сам, изволите ли видеть, Луначарский... Сами понимаете, от министра не удерешь, как Подколесин от невесты...» (с.148). Здесь назван второй, а, пожалуй, даже и первый гоголевский претекст романа – комедия Гоголя «Женитьба». Действительно, пара главных героев Заяицкого Лососинов и Соврищев, из которых второй пронырливее и циничнее первого, с самого начала несколько напоминает Подколесина и Кочкарева (с той разницей, что Соврищев пока что тоже холост), а тема женитьбы Лососинова не раз возникает на страницах романа в планах его матери:

«– Смотри, все кругом женаты... один Соврищев только... ну уж это я даже не знаю, что это такое... человек он или еще что... Наташа Брусницына очень в тебя влюблена.

– Я – принципиальный аскет...

– Я Наташу Брусницыну в бане видела – Венера... и не вертлява.

– Ну и обнимайтесь с ней на здоровье... Женитесь! Как глупо.

– А на фортепьяны прыгать, скажешь, умно? ¹¹

– Не ваше дело.

И Степан Александрович, уйдя к себе в комнату, дважды повернул ключ.

Госпожа Лососинова привела в порядок мебель, погасила свет и ушла к себе.

“Нужно будет, – подумала она, – ему в суп александрийского листу подмешать”» (с.57).

Эта тема получает в последней части романа новое развитие, когда в душе Лососинова вдруг происходит «душевный переворот, столь же великий, как переворот Октябрьский» (с.120): «Степан Александрович вошел в комнату бодро и торжественно.

– Мама, – сказал он, – вы человек старый и отсталый в духовном отношении, я же человек молодой, живой, мне принадлежит будущее.

“Жениться хочет, – задрожав от радости, подумала госпожа Лососинова, – лишь бы не на какой-нибудь финтифлюшке”.

– Я знаю ваше отношение к партии, вы, конечно, будете возражать, бранить меня.

– Да что ты, Степа, – перебила старушка, – если хорошая партия, за что же я бранить буду. Девица?

– Какая девица?

– Ну, невеста твоя – девица?

Степан Александрович нахмурился было, но слишком радостно было у него на душе и злиться не хотелось.

– Да, мама, – вскричал он, – это могучая девица, от поступи которой дрожит земля и рушатся темницы!

“Наверное, Соня Почкина, – подумала госпожа Лососинова, она верно: когда ходит, весь дом дрожит”.

– Она умеет быть ласковой и доброй, умеет погладить по голове мягкой как бархат рукою.

“Или Таня Щипцова”, – подумала госпожа Лососинова.

– Но она умеет мгновенно превращаться в львицу и, оскалив, зубы, готова вцепиться в горло всякому непокорному.

“Господи, на Мане Ножницыной хочет, на злючке этой”.

– Да как же ее зовут? – не в силах больше терпеть, спросила старушка.

– Ее зовут... – произнес Степан Александрович, – пролетарская революция!»

(с.121).

Впрочем, место поездки Подколесина и Кочкарева к невесте у Заяицкого занимают вначале регулярные ночные кутежи героев, а затем их визиты с целью исполнения трех сменяющих друг друга проектов Лососинова по спасению России. Собственно, эти проекты и определяют построение повести, для изложения которого, мы воспользуемся пересказом О.Обуховой: «В каждой части главным сюжетобразующим пунктом является глобальная идеалистически-утопическая идея спасения, которая овладевает Лососиновым в различных исторических ситуациях. В первой части (действие происходит до начала Первой мировой войны) – это идея спасения народа путем всеобщей “филологизации” масс <...> Во второй части действие происходит в годы войны. В Лососинове просыпается патриотический пафос, и его беспорядочно-бесплодное кружение по Москве имеет единственную цель – во что бы то ни стало попасть на фронт <...> Им овладела новая утопическая идея – применить гносеологический идеализм Беркли для создания нового типа солдат – они-то и спасут Россию, выиграв войну. <...> Естественно, и этот утопический проект (и в проекте, и в способе его осуществления видна пародия на просветительские инициативы Льва Толстого) рассеивается, исчезает при столкновении с реальностью. В третьей части <...> вступая в реальный контакт с живым страдающим человеческим существом, Лососинов забывает о себе...»¹²

Действительно, во второй части ощущается пародия на Л.Н.Толстого, но, правда, не «в проекте и в способе его осуществления», а в стилистическом выполнении «брошюрки» Степана Александровича, написанной им «для популяризации учения Беркли», которое отчетливо напоминает «народные рассказы» Толстого: «Называется “Куда делся кошелек, когда Яков Богатов уснул”. И видишь – простой народный язык: “Шибко любил Яков Богатов деньги, ох, как шибко. Много душ погубил из-за них, проклятых...” – ну, одним словом, идея такая, что, когда Яков засыпает, его любимый кошелек исчезает, ибо некому его воспринимать» (с.69).

Источник вдохновения Лососинова прямо назван в следующей части, где примкнувший к контрреволюционерам герой приходит к отставному полковнику Глухову, чтобы добиться от него содействия во взрыве моста: «против него сидел кто-то вроде Льва Толстого в период написания “Чем люди живы”» (с.117). А степень доходчивости до народа подобных рассказов ярко иллюстрирует эпизод в конце второй части, где Лососинов излагает содержание своей брошюры лакею-санитару, который в конце концов передает ее другим санитарам как историю о краже кошелька (с.102).

Однако прекраснодушные интеллигентские «проекты» Лососинова, для сатирического осмеяния которых Заяицкий использует аллюзии к толстовской «Азбуке», еще ранее, в первой части высмеиваются посредством менее явной пародии на «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя. Воспылав «идеей спасения народа путем всеобщей “филологизации” масс», Лососинов вдруг начинает произносить целые пассажи, отчетливо напоминающие статью Гоголя «Об Одиссее, переводимой Жуковским»: «возрождение необходимо, ибо искусство попало в тупик... Следовательно, наша задача – произвести возрождение. Для этого нужно лишь внедрить в публику и в массу сознание необходимости изучения античного мира. Мужик гибок и способен к языкам. Надо обучить его греческому и латинскому» (с.18).

Когда у Лососинова пропадает греко-латино-итальянский словарь, тот решает, что его украли полотеры и видит в этом подтверждение своей мысли о том,

«как относится русский народ к древности, разумеется, классической... Да тут ничего нет удивительного. В Москве есть извозчики, говорящие по-латыни...» (с.20). Для осуществления своего плана Лососинов призывает Соврищева «организовать особые школы... Когда подготовка будет сделана, мы дадим знак из центра, и по всей России зазвучит стройная музыка гомеровского стиха... Подумай, Соврищев, какое величие... Старый дед, читающий внукам Одиссея в подлиннике...<...> Я лично уверен, что греческое искусство настолько божественно просто, что его поймет самый серый крестьянин (с.23-24).

Сравним у Гоголя: «Вот скольким условиям нужно было выполниться, чтобы перевод Одиссеи вышел не рабская передача, но послышалось бы в нем слово живо, и вся Россия приняла бы Гомера, как родного! <...> "Одиссея" произведет у нас влияние, как *вообще на всех*, так и *отдельно на каждого* <...> "Одиссея" есть именно то произведение, в котором заключились все нужные условия, дабы сделать его чтением всеобщим и народным <...> Дворянин, мещанин, купец, грамотей и неграмотей, рядовой солдат, лакей, ребенок обоего пола, начиная с того возраста, когда ребенок начинает любить сказку, ее прочитают и выслушают без скуки <...> Греческое многобожие не соблазнит нашего народа. Народ наш умен: он растолкует, не ломая головы, даже то, что приводит втупик умников <...> многобожие оставит он в сторону, а извлечет из "Одиссеи" то, что ему следует из нее извлечь» (VIII, 237, 238). Очевидно, что в приведенных выше планах Лососинова звучит откровенная пародия на эти идеи Гоголя¹³.

Разумеется, пародируя «Выбранные места...», Заяицкий не мог не опираться на «Село Степанчиково» Достоевского. Тем более что работа Ю.Н.Тынянова «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)» вышла еще в 1921 году¹⁴ и скорее всего была известна Заяицкому. Тынянов, впрочем, не указывает параллелей из «Села Степанчиково», относящихся к статье Гоголя «Об Одиссее, переводимой Жуковским». Между тем они также очевидны. Правда, Фома Фомич Опискин не заставляет обучать мужиков греческому и латинскому. Зато, как известно, он сильно учит их французскому: «Я, как Орфей, смягчаю здешние нравы, только не песнями, а французским языком»¹⁵. Так что связь между «Жизнеописанием...» и

«Селом Степанчиковым...», по-видимому, носит как опосредованный, так и прямой характер.

Тынянов в этой статье отмечал в Опискине также и зачатки созданного Достоевским впоследствии образа Степана Трофимовича Верховенского: «Интересно, что и другой пародийный характер – Степан Трофимович – тоже приживальщик; то же “странничество”, та же “котомка”»¹⁶. Уже имя, отчество и фамилия этого героя наводят на мысль о происхождении от него Степана Александровича Лососинова. И действительно, как высокопарность и претенциозное честолюбие Лососинова, так и его отношения с матерью выписаны с некоторой пародийной ориентацией на Верховенского и его отношения с Варварой Петровной Ставрогинной. Есть в «Бесах» и некоторые конкретные вещи, которые могли послужить Заяицкому импульсом при создании образа Лососинова. Например, слова Степана Трофимовича: «я не христианин. Я скорее древний язычник, как великий Гете или как древний грек»¹⁷.

Таким образом, отдельные сатирические страницы романа Заяицкого «Жизнеописание Степана Александровича Лососинова» имеют в значительной степени пародийный характер по отношению не только к творчеству Гоголя, но и к его «Выбранным местам...» и, следовательно, отчасти к личности и взглядам самого писателя¹⁸. Это пародирование имеет сложную природу, так как отсылает читателя не только к первичным текстам самого Гоголя, но и к вторичным текстам, в качестве которых в данном случае выступают произведения Достоевского и, вероятно, даже работа Тынянова. При этом далеко не всегда пародирование имеет отрицательный характер. Так, например, в финале романа в какой-то степени пародируется «уход Льва Толстого» (глава VI «Серый дымок» третьей части), однако одновременно вполне серьезно (не случайно роман озаглавлен как «трагикомическое сочинение») поднимается стержневая для Толстого тема «воскресения» или преобразования человека.

Пародия Заяицкого направлена не только в адрес Гоголя, но и в адрес Толстого. Следовательно, она высмеивает утопическую линию в русской культуре в целом. Конкретно ее объектом стала русская интеллигенция предреволюционных

лет, увлекавшаяся фантастическими планами «спасения России», не имевшими никакого отношения не только к окружающей действительности, но даже и к их собственной жизни. Лососинов представляет собой сатирическое развитие образов Опискина и Степана Верховенского, поскольку, искренне увлекаясь своими «проектами», он, как и названные герои Достоевского, в то же время наделен поверхностным эпикуреизмом. Отталкиваясь от опыта Достоевского, Заяицкий создал иной вариант пародийной поэтики, позволивший ему дать сатирическое осмысление совершенно нового этапа истории России, предсказателем и одновременно разоблачителем которого Достоевский выступил в «Бесах». В то же время, как и в «Селе Степанчикове» Достоевского, у Заяицкого в его «Жизнеописании...» представлен настоящий карнавал гоголевской интертекстуальности.

---

¹ Некоторые сведения о биографии и творчестве С.С.Заяицкого можно найти в «био-библиографическом словаре русских писателей XX века» «Писатели современной эпохи» (М., 1928. Т.1. Ред. Б.П.Козьмина. С.132). См. также репринтное издание: М.,1992.

² См., например: История русского советского романа. М.; Л., 1965. Т.1. С.258. Почему-то отсутствует его имя в современных словарях по истории русской литературы советского периода. См., например: Русские писатели. Биобиблиографический словарь «XX век: В 2 ч. М., 1998. Т. 1-2; Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь. М., 2005. Т.1-3. Нет статьи о нем даже и в «Лексиконе русской литературы XX века» (М., 1996).

³ Н.Б. Вокруг Булгакова // Новый журнал. 1987. Кн. 166. С. 120.

⁴ *Заяицкий С.* Судьбе загадка. М.: Московский рабочий, 1991. С. 383. Показательно, что, будучи студентом филологического факультета ЛГУ во второй половине 1970-х годов, я книгу С.Заяицкого «Жизнеописание Степана Александровича Лососинова. Трагикомическое сочинение. М., 1928» читал и был в этом отнюдь не одинок среди моих однокашников. Помню, что читал ее «с подачи» моего друга, покойного писателя и литературоведа С.Ю.Ясенского (1957-1996).

⁵ Там же. Автор предисловия «От читателя», писатель В.Пьецух справедливо восклицал: «когорта таких писателей, как Заяицкий, Слезкин, Клочков, Романов, может составить честь и славу какой-нибудь просвещенной нации, и она будет веками поклоняться этому пантеону, а у нас нормальный читатель о них даже и не слышал» (с.6).

⁶ *Обухова О.* Интеллигент в мире разрушающейся культуры (С.С.Заяицкий и его роман «Жизнеописание Степана Александровича Лососинова. Трагикомическое сочинение») // «Вторая проза». Русская проза 20-х – 30-х годов XX века. Сост. В.Вестстейн, Д.Рицци, Т.В.Цивьян. Trento, 1995. С.267-276).

---

⁷ Не случайно уже В.Пьецух замечал: «конечно, более или менее квалифицированному читателю будет понятно, что Сергей Сергеевич Заяицкий это не Николай Васильевич Гоголь – <...> гений сильней истории – но читателю будет также понятно: он повстречался с талантом настолько крупным и самобытным, что укрыть его от читателя <...> – значит совершить преступление против человечности из тех, что проходили по Нюрнбергскому трибуналу» (Пьецух В. От читателя // Заяицкий С. Судьбе загадка. С. 5-6).

⁸ *Заяицкий С.* Указ. соч. С. 159, 165.

⁹ Там же. С. 27. Далее цитаты из произведений Заяицкого приводятся по этому изданию: *Заяицкий С.* Судьбе загадка. М.: Московский рабочий, 1991 – в тексте с указанием номера страницы в скобках.

¹⁰ *Обухова О.* Интеллигент в мире разрушающейся культуры. С. 273. Что касается «завирального хвастовства Пантюши» Соврищева, то его хлестаковский характер вскрывает на страницах романа Лососинов, прерывающий рассказ Соврищева о «грудах» его «рукописей» (с.130): «– А что, – спросил Лососинов, – “Юрий Милославский” не твое сочинение? Все удивленно поглядели на него. – Это же Загоскина! – сказала Марья Петровна. Степан Александрович покраснел: – Я пошутил» (с.131).

¹¹ Лососинов прыгает на рояль, тренируясь вскакивать в идущий товарный поезд, поскольку собирается идти на фронт, чтобы добиться внедрения своего проекта по спасению России, а его мать приписывает это совсем другим причинам.

¹² *Обухова О.* Интеллигент в мире разрушающейся культуры. С.272, 275.

¹³ Впрочем, Гоголь и сам подверг подобные проекты сатирическому разоблачению во втором томе «Мертвых душ», в котором Кочкарев уверяет Чичикова, что «несмотря на все упорство со стороны невежества, он непременно достигнет того, что мужик его деревни, идя за плугом, будет в то же время читать книгу о громовых отводах Франклина, или Виргилиевы «Георгики», или «Химическое исследование почв» (Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н.В.Гоголя. М., 1855. Т.2. С. 109).

¹⁴ *Тынянов Ю.Н.* Достоевский и Гоголь (к теории пародии). Пг., 1921.

¹⁵ *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Л., 1988. Т. 3. С. 89.

¹⁶ *Тынянов Ю.Н.* Достоевский и Гоголь (к теории пародии)// Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, С. 215.

¹⁷ *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Л., 1988. Т. 7. С. 37. Одновременно величавость обращения с Лососиновым и Соврищевым знаменитого Ансельмия Петрова, возможно, внушена абрисом «высшего круга» петербургских писателей в «Бесах», где о Степане Трофимовиче сказано: «Он до того маневрировал около них, что и их зазвал раза два в салон Варвары Петровны, несмотря на все их олимпийство» (Там же. Т. 7. С. 22).

¹⁸ Заяицкому был легко доступен приведенный Тыняновым отзыв Достоевского о «Выбранных местах...» в письме к И.С.Аксакову: «Заволакиваться в облака величия (тон Гоголя, например, в “Переписке с друзьями” есть неискренность, а неискренность даже самый неопытный читатель узнает чутьем. Это первое, что выдает» (Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь. С.213).

